

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Владимиру Паниотто — 60!

Дорогой Владимир Ильич!

От всей души поздравляем Вас с Вашим Новым годом и с новым, Седьмым десятилетием Вашей жизненной стези, отмеченной плодами Ваших почти полувекových творческих трудов.

У нас так много воспоминаний о встречах с Вами в разные годы Вашей жизни.

Один из нас вспомнил, что впервые увидел Вас почти сорок лет назад на семинарах по эвристическому моделированию, которые вел в Институте кибернетики Николай Михайлович Амосов, и что еще тогда услышал от Вас удивительно пронизательные суждения о значении математического моделирования для социологии.

Другой коллега вспомнил, как Вы, дипломированный математик, пришли в социологию в начале 1970-х годов, во времена весьма не благоприятные для общественных наук, когда непреложной истиной считалось, что единственно научной социологией является истмат. А так называемые “конкретные социологические исследования” должны были подтверждать достижения “реального социализма”, прозорливость решений последнего пленума ЦК КПСС и гениальность очередного генсека. Но Вам повезло. Вашим руководителем стал один из первых организаторов социологических исследований в Украине Вилен Филиппович Черноволенко. Под его крылом Вы начали социологические исследования малых групп, и Ваша кандидатская диссертация вызвала у одного из коллег-гуманитариев, придирчиво воспринимавших работы “математических варягов”, своеобразное резюме: “диссертация оставляет приятный осадок”. Это был настоящий успех. И начало вереницы последующих Ваших успехов в социологии.

Одна из коллег вспомнила, что, будучи юной студенткой, впервые увидела Вас как преподавателя почти четверть века назад. Не имея ни малейшего представления о компьютерном моделировании при социологии, как и очень отдаленное представление о социологии вообще, с восторгом воспринимала Ваши занятия по использованию программируемого микрокалькулятора для вычислений некоторых индексов и показателей. Сейчас это кажется смешным, но тогда это был передовой рубеж отечественной социологии, на котором Вы стояли и который, благодаря Вашим усилиям, так быстро расширялся, что в некоторых методолого-методических аспектах мы переставали ощущать нашу отсталость от мировой социологии.

Мы все хорошо помним, что в Украине никто не сделал за эти годы столько, сколько Вы, чтобы оснастить наших социологов адекватными методами эмпирических исследований, чтоб вооружить их тем инструментарием, без которого не достичь высокого качества социологической информации. И не только тем, что Вы положили начало разработке методов социологических исследований сначала в отделе социологии Института философии, а затем — в созданном с Вашим участием Институте социологии АН Украины. И не только тем, что обучаете таким методам студентов-социологов уже больше чем четверть века. Но и, особенно, тем, что написали книги, по которым учится методам исследований уже не одно поколение социологов. И тем, что пятнадцать лет назад взяли на себя добрую половину работы по организации в нашем университете, в Киево-Могилянской академии кафедры социологии. А еще тем, что, несмотря на все финансовые соблазны отечественной социологии, продолжаете очень нелегкий преподавательский труд, по-прежнему

оставаясь одним из самых любимых и почитаемых студентами “живых” классиков современной социологии.

Мы помним, как много Вы сделали за эти годы, чтоб обеспечивать Украину, всех заинтересованных людей объективной и правдивой информацией во всех ситуациях, когда такую информацию предоставлял общественности Киевский международный институт социологии, директором которого Вы работаете уже пятнадцатый год. И мы никогда не забудем того, что на этом посту Вы — ни в каких, даже самых тяжелых политических ситуациях, — ни разу не поддались тем, кто пытался использовать КМИС, информацию, которую он собирал во время предвыборных кампаний и в экзит-поллах в дни выборов — для обмана людей.

Мы гордимся тем, что работаем вместе с таким талантливым социологом, честным человеком, неутомимым тружеником и небезразличным гражданином нашей страны, каким Вы проявили себя в самых трудных испытаниях за эти годы.

Счастливых и долгих Вам новых лет и десятилетий — во здравии и в понимании небезразличных для Вас людей!

*От всей кафедры социологии Национального университета
“Киево-Могилянская академия” Ваши коллеги:*

СВЕТЛАНА ОКСАМЫТНАЯ, ВЛАДИМИР ОССОВСКИЙ, ВАЛЕРИЙ ХМЕЛЬКО

* * *

Володя, дорогой!

Я воспользовался этим воистину знаменательным в жизни одного человека, но совершенно банальным в бытии человечества поводом (ибо ежедневно десяткам тысяч людей по всему миру удается дожить о этой дате) для того, чтобы отрефлексировать: а что, в сущности, значит Володя Паниотто в моей жизни? К сожалению, большинство из нас (я, по крайней мере) не задаются такими вопросами по отношению к окружающим людям без специального повода. А жаль — это помогло бы нам больше узнать самих себя.

Я написал первые слова и вдруг понял, что они совершенно неверны, ведь если такое событие знаменательно только для самого человека, то он как-то не так прожил свою жизнь. (Очень сильное впечатление произвел на меня в юности рассказ, в котором старый умирающий человек вспоминает события своей жизни и не может припомнить ничего значимого, кроме того, что в детстве его укусила собака.) Может, в том-то и счастье таких людей, как ты, что события твоей жизни важны не только для тебя, но и для целого (и немалого) круга других людей, причем вектор этих событий для них и для тебя один и тот же. Я имею в виду, что всё позитивное, радостное, что происходит в твоей жизни, воспринимается ими как позитивное или радостное — и наоборот. При этом все они (мы) уверены, что так же воспринимаются тобой и события в их (нашей) жизни.

Так что же ты в моей жизни? Наверное, в разные ее периоды — разное, но сейчас (я отрефлексировал это достаточно точно) — ты стержень моей ностальгии по всему хорошему, что было в нашей профессиональной жизни в Советском Союзе.

Может быть, то, что мы, сознательно или вследствие специфики базового образования, занимались почти не затронутой идеологией областью социологии, помогло создать некое профессиональное братство “методологов”. Объект нашей научной деятельности нас скорее объединял, чем разъединял. Кроме того, как мне кажется, внутри этого братства создавалась некая атмосфера, которая играла роль естественного “face control” — люди, не отвечающие определенным имплицитным условиям, чувствовали себя неуютно в этой атмосфере и не задерживались надолго.

Нам было интересно то, чем мы занимались, и я хорошо помню ночные бдения на методологических гусовках (вот и слово из нового лексикона, которого не было в то время, а как точно оно отображает суть происходившего), и, что немаловажно, мы ощущали себя первопроходцами. Как известно из истории науки, именно это ощущение исследователей является неотъемлемым условием того, что данная отрасль или направление находятся в состоянии развития. Недавно, просматривая книги и статьи по методологии и методам социологических исследований, опубликованные членами “братства” в то время, я совершенно отчетливо понял, что практически ничего за это время не устарело (кроме авторов этих материалов). С одной стороны, это здорово, поскольку говорит о том, что мы были “на уровне”, а с другой стороны, печально, так как одновременно свидетельствует о некотором застое в этой отрасли социологии (исключения редки, касаются, в основном, только математических методов анализа данных, и то на Западе).

Довольно быстро в братстве возникла группа лидеров: ты, Боря Докторов, позже, наверное, Гена Батыгин. Вы не были формальными лидерами — просто вы видели многие вещи шире, объемнее, поэтому мне, например, — как раньше, так и сейчас (сейчас, к сожалению, крайне редко — кого уже нет, а кого разбросало по земному шару) — безумно интересно обсуждать мои профессиональные проблемы именно с вами. Я до сих пор считаю, что написать такую блестящую популярную книжку, как “Зачем социологу математика” (да еще без знака вопроса), могли только люди настолько знающие предмет, что способны были воспринимать и воспроизводить его как нечто целостное.

Но ты и здесь у меня на особом счету. Когда я начинаю вспоминать наиболее значимые в моей жизни профессиональные и околопрофессиональные события (под околопрофессиональными я понимаю события моей личной жизни, проходившие в нашей профессиональной среде), оказывается, что ты тем или иным образом (несмотря на то, что жил и живешь в другом городе, а теперь и другой стране) являлся их “актером” — от соучастника до свидетеля.

Москва, Звенигород (и не однажды), Ленинград, Киев, Кяярику, Вильнюс, Вашингтон, Мадрид, Гонолулу — конференции, конгрессы, симпозиумы — это все моя жизнь, и это ты.

Теория измерения, методы шкалирования, корреляции и регрессии, таксономия и классификация, выборка и проблемы достижимости, когнитивная составляющая анкетных вопросов — это все моя жизнь, и это ты.

Общенациональные опросы, ЗАО “Демоскоп”, RLMS — это все моя жизнь, и это ты.

Майкл Сваффорд, Сеня Клигер, Лесли Киш, Ядов, Галя Старовойтова, Шляпентехо, Говард Шуман, Лена Петренко, Валерий Хмелько, Саша Крыштановский — это тоже все моя жизнь, и это тоже ты.

Теперь переформулируем первоначальный тезис:

Ты стержень моей ностальгии по всему хорошему, что было в нашей профессиональной жизни в Советском Союзе, и неотъемлемая, хотя и редко доступная, часть моей теперешней жизни.

Я очень рад, что жизнь свела нас когда-то, и горд тем, что мы не дали ей шанса нас развести до сих пор.

Поздравляю тебя и всех нас с тем, что ты есть!

*МИХАИЛ КОСОЛАПОВ,
Институт социологии РАН*